

Ярославская областная универсальная научная библиотека
имени Н. А. Некрасова

БИБЛИОТЕКИ В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

*Материалы научно-практической конференции,
посвященной 100-летию Д. С. Лихачева*

Ярославль,

2006

Ярославль,

2006

Ярославль,

Ярославль,
2006

Ярославцы в Тургеневской библиотеке в Париже

История знаменитой парижской Тургеневской библиотеки насчитывает уже более 130 лет¹. Возникшая в 1875 г. по инициативе народовольца Г. А. Лопатина и при поддержке И. С. Тургенева, она на всем протяжении своей деятельности являлась и ныне остается заметным очагом русской культуры во Франции. Еще в 1925 г., когда отмечался полувековой юбилей Тургеневки, писатель Марк

Алданов, один из постоянных и преданных читателей библиотеки, называл ее «самым старым и самым ценным из всех учреждений русского Парижа»². Не одно поколение эмигрантов из России бескорыстно трудилось, вкладывая свои знания, опыт и душу, в осуществление беспримерной культурной миссии. Выходцы из Ярославского края, как выясняется при обращении к истории Тургеневской библиотеки, в этом благородном деле играли зачастую ведущую роль.

В начале 70-х гг. XIX в. столица Франции была буквально наводнена русскими студентами, перебравшимися сюда из Швейцарии. Русское правительство, обеспокоенное возрастанием здесь числа политических эмигрантов, настоятельно рекомендовало учащейся молодежи переехать в Париж. Так, в левобережной части города, с центром в Латинском квартале, где находится знаменитая Сорbonна, образовалась довольно большая колония русских студентов. Однако Париж не менее, чем Женева и Цюрих, привлекал эмигрантов из России, бежавших сюда от преследования властей. В этой обстановке и созрела мысль у революционера-эмигранта Лопатина о создании для нужд все увеличивавшейся русской колонии библиотеки с читальным залом.

Решено было за помощью обратиться к постоянно проживавшему в Париже И. С. Тургеневу, издавна благоволившему учащейся молодежи за границей и уже немало жертвовавшему на подобные просветительские цели (к примеру, на существовавшую в 1860-х гг. в германском Гейдельберге «Русскую академическую читальню»³). Идею создания библиотеки писатель воспринял с энтузиазмом, и вскоре состоялся благотворительный концерт – «литературно-музыкальное утро», в котором приняли участие и сам Тургенев, и другие деятели культуры – певица Полина Виардо, писатель Глеб Успенский, поэт Василий Курочкин... На вырученные деньги в Латинском квартале сняли квартиру (на улице Victor Cousin), а первый книжный фонд составили издания, подаренные основателями – Тургеневым, Лопатиным и

другими литераторами. С 1883 г., после смерти И. С. Тургенева, библиотека стала носить его имя.

Любопытно, что с самого начала своего существования общественная библиотека задумывалась как общекультурное дело, имеющее аполитичный характер. В утвержденном «общим библиотечным собранием» 3 ноября 1888 г. «Уставе Русской Общественной Библиотеки в Париже» подчеркивалось, что цель ее деятельности – «дать проживающим в Париже русским возможность поддерживать духовное общение с родиной и следить по газетам и журналам за развитием ее литературы, науки и жизни»⁴. Однако же Российское посольство вплоть до 1917 г. взирало на Тургеневскую библиотеку как на «революционное учреждение», и под этим предлогом даже отрицало ее существование. Консервативная часть русской колонии, традиционно селившаяся в аристократической части правобережного Парижа, также бойкотировала библиотеку, опасаясь себя компрометировать ее посещением⁵.

Финансирование библиотеки, согласно ее уставу, осуществлялось, главным образом, за счет абонентской платы читателей. Прямая зависимость от числа абонентовказывалась на ее материальном положении, и зачастую не в лучшем виде. В начале XX в. библиотека дважды оказывалась перед угрозой закрытия. Наблюдавшийся отток политических эмигрантов в Россию, обусловленный революционными событиями 1905–1906 гг. и 1917 г., поставил библиотеку на грань выживания. Спасти ее удалось благодаря самоотверженной и совершенно неоплачиваемой работе членов правления – старейших эмигрантов, оставшихся во Франции. Ситуация в корне изменилась в 1918–1919 гг., когда в Париж хлынула новая волна эмигрантов из России, и он превратился в один из главных центров Русского Зарубежья.

В эту послереволюционную эпоху Тургеневская библиотека переживает подлинный расцвет. И хотя по-прежнему ее работа велась на гроши, зачастую не хватало необходимых помещений (она все так же ютилась в снимаемых квартирах), библиотечный книжный фонд стремительно возрастал, пополняясь как новыми эмигрантскими изданиями, выходившими по всему миру, так и за счет многочисленных пожертвований дарителей, оставлявших Тургеневке свои личные библиотеки, вывезенные из России или собранные в эмиграции. Тот же М. А. Алданов вспоминал: «Я помню Тургеневскую библиотеку в годы, предшествовавшие войне; но по-настоящему научился ценить ее только в эмиграции, когда покупать книги стало невозможно. Эта библиотека во многих отношениях настоящий клад. В ней иногда находишь издания, которых не было в лучших частных библиотеках России»⁶. Приведем всего лишь три цифры, демонстрирующие масштабы роста книжного фонда этой «квартирной» библиотеки: в 1900 г. она насчитывала всего 3,5 тыс. томов, в 1925 г. – 50 тыс. томов, а к 1940 г. – уже свыше 100 тыс. томов книг и журналов.

Роль Тургеневской библиотеки в жизни русской эмиграции в Париже – культурно-просветительская, объединяющая и даже психологическая – огромна. Она собирала вокруг себя разнообразные круги наших соотечественников, оказавшихся на чужбине – от политиков и ученых до рабочих и домохозяек. В 1937 г. русский Париж праздновал переезд библиотеки в новое помещение, предоставленное парижским

муниципалитетом в результате длительных просьб и обращений многих видных эмигрантских и французских общественных деятелей, ученых и писателей. Впервые за всю свою историю библиотека получала просторное помещение в таком прекрасном месте – особняке XVII в. Hotel Colbert на улице Bucherie (также в Латинском квартале, неподалеку от знаменитого собора Нотр-Дам). На торжественном собрании открытия обновленной библиотеки, В. А. Маклаков, бывший посол России во Франции, один из известнейших и старейших представителей русской эмиграции в Париже, подчеркнул двойной смысл праздника: «60 лет назад Тургеневскую библиотеку задумали прежние эмигранты, ушедшие от старой России. Приняли это дело и завершили его теперь эмигранты революционной эпохи. Так библиотека сделалась символом национальной культуры, которая создается непрерывной работой поколений, сменяющих друг друга, – и даже противников, которые друг с другом боролись. Она, как культура, – общее достояние всех»⁷.

По общему признанию самое ценное учреждение русской эмиграции, аккумулировавшее исторический опыт нескольких поколений российских изгнанников за рубежом, Тургеневская библиотека явилась уникальным средоточием книг и материалов, выводивших ее в разряд мемориальной. Она была не только своего рода «рабочей» библиотекой для многих крупных писателей, политиков и культурных деятелей (её фондами постоянно пользовались М. А. Алданов, И. А. Бунин, А. Н. Бенуа, Б. К. Зайцев, С. М. Лифарь, Г. В. Лозинский, С. П. Мельгунов, П. Н. Милюков, Д. М. Одинец, М. А. Осоргин, А. М. Ремизов, И. С. Шмелев и многие другие), затем даривших ей свои издания с непременными автографами, но и местом, где по почину названных и других лиц, составивших особый временный комитет под председательством И. А. Бунина, в 1938 г. возник «Русский литературный архив». Созданный при библиотеке «автономный отдел» сосредоточился на собирании документального наследия эмиграции. «Гибнет много документов и материалов, важных для историков, – говорилось в обращении комитета. – Задача архива – собрать и сохранить их. Особенный интерес для нас представляют архивы частных лиц, частью уже поступившие в наше распоряжение»⁸.

Вдохновленный произошедшими переменами в деятельности библиотеки и теми фундаментальными задачами, которые она перед собой ставила, писатель Михаил Осоргин в марте 1938 г. заключал: «Тургеневская библиотека – учреждение старое, чисто культурное, независимое, не знающее партий и оттенков политической мысли. По историческим данным и по преданиям, ее посещали, кроме Тургенева, Лев Толстой, Достоевский и еще много русских писателей прошлого и современности, ее созданию отдавали силы Герман Лопатин и Петр Лавров, в ней работал и Ленин. Она – памятник русской культуры в Париже целого ряда эпох, и им должна остаться в будущем»⁹.

Однако вскоре произошло непоправимое. Немецкие оккупационные власти, занявшие летом 1940 г. Париж, уже в сентябре отдали распоряжение о прекращении работы Тургеневской библиотеки, ее погрузили в сотни огромных ящиков (вполне очевидно, что кем-то заранее подготовленных) и вывезли в неизвестном направлении. Как полагали, ее отправили в Германию, где, по всей видимости, и терялись ее следы¹⁰. Многие современники и свидетели этого варварского и загадочного ограбления опасались, что библиотека фашистами могла быть уничтожена¹¹. Акт ничем не оправданного, кощунственного вандализма поверг русский Париж в шок. На это чрезвычайное событие тот же Михаил Осоргин отозвался статьей под заглавием «Горе русских в Париже», опубликованной в ноябре 1940 г. в нью-йоркской газете «Новое русское слово». «Это – самый грустный некролог, – признавался литератор, – какой пришлось когда-либо писать»¹².

В заключение «библиотечного некролога» содержалось скорбное признание писателя, почтившего память Тургеневки: «Ее история завершена в сроке человеческой жизни, детище Тургенева погибло. Погиб лучший друг русской эмиграции, в ее разных оттенках и этапах. В общей гибели европейской культуры это – лишь незначительная деталь. Для нас, принимавших в ее судьбе близкое участие, живших ее интересами и обязанных ей столь многим, – утрата тяжелая, жестокий удар, с которым не сравнятся никакие личные огорчения и потери»¹³.

Только в 1959 г. энтузиастам из старых и новых русских эмигрантов в Париже удалось возобновить деятельность Тургеневской библиотеки (кстати, одной из активных ее создательниц явилась вдова М. А. Осоргина Татьяна Алексеевна Осоргина-Бакунина). За счет репарационных средств, выделенных французскими властями вновь созданному «Обществу русской Тургеневской библиотеки», практически с нуля стали пополняться ее книжные фонды, и была арендована квартира в новом доме на улице Валянс (11, rue de Valence) в левобережной части Парижа. В настоящее время в библиотеке, располагающейся по тому же адресу, насчитывается более 40 тыс. томов книг и журналов.

Краткий исторический экскурс в прошлое Тургеневской библиотеки свидетельствует о ее выдающейся миссии в жизни российского рассеяния за рубежом, о ее славной, трудной и трагической судьбе, ставшей неотделимой от истории русской эмиграции во Франции. И тем ближе и дороже нам, ярославцам, становится имя парижской Тургеневки, когда обнаруживается, что практически на всех этапах ее существования видную роль в ее деятельности играли наши земляки.

Наш интерес к истории Тургеневской библиотеки – одного из знаковых учреждений русского Парижа – обусловило обращение к эмигрантской теме в контексте изучения рода видного ростовского купца и историка Андрея Александровича Титова (1844–1911)¹⁴. Его сын, Александр Андреевич Титов (1878–1961) – известный химик и политический деятель, один из основателей Народно-социалистической партии, в 1920 г. вместе со своей семьей оказался в эмиграции в Париже. Рассказу о жизни Ал. Ан. Титова, старейшего по времени пребывания в эмиграции русских эмигрантских деятелей¹⁵, и его многочисленных потомках посвящена подготовленная нами к печати книга, включающая мемуарные материалы его

самого и его дочери – преклонных лет парижанки Валентины Александровны Пеллисье-Танон¹⁶.

Однако любопытно, что еще задолго до этого эмигрантского обоснования в Париже, начавшего новый этап в истории стаинного ростовского рода, в семье Титовых имя Тургеневской библиотеки было, что называется, на устах. Одна из дочерей купца, Валентина Андреевна Титова, в своем письме из Парижа от 2 февраля 1897 г. сообщала отцу в Ростов, рассказывая об их общем знакомом Н. А. Попове (сыне московского купца-суконщика и владельца знаменитой «Лоскутной» гостиницы, сподвижнике К. С. Станиславского по основанному им Обществу искусства и литературы, в будущем известном режиссеру): «Николая Александровича видим каждый день. ... Жена его очень милая и гораздо его образованнее. Вчера я вместе с ними была на лекции в Сорбонне; слушали профессора Жюльвилля; он читает историю средневекового театра; говорит замечательно красиво. Н. А. ходит здесь в Тургеневскую библиотеку, где собраны все запрещенные книги о России и, конечно, много интересного материала»¹⁷.

Это известие, безусловно, красноречиво свидетельствует о редкой в среде провинциального купечества обстановке интеллектуальной свободы, в которой возрастили и воспитывались дети Ан. Ал. Титова, отличавшегося широкими либеральными взглядами. Андрей Александрович и сам нередко интересовался запрещенными в России изданиями, которые с помощью сына, в то время учившегося в Лейпцигском, а затем Берлинском университетах, выписывал у знакомого немецкого книгопродавца Карла Гирземана.

В. А. Титова, слушавшая лекции в парижской Сорбонне и Берлинском университете, как и ее брат Александр, была не чужда интереса к современным социалистическим течениям, углубленно изучала проблемы народного образования. В Москве она принимала живое участие в создании и преподавании в женской гимназии Воскресенской, в родном Ростове являлась создательницей музея наглядных учебных пособий для сельских школ. Прожив недолгую жизнь (1873–1909), Валентина Титова (в замужестве Малоземова) запомнилась современникам своим бескорыстным служением «высоким, чистым, великим и ярким культурно-общественным идеалам»¹⁸.

Приведенные данные говорят о людях, которые были или могли являться читателями Тургеневской библиотеки еще в начальный период ее истории. Однако обратимся непосредственно к ее деятелям.

К этому, дореволюционному, этапу существования библиотеки относится сотрудничество в ней Николая Алексеевича Золотарева (1877–1915)¹⁹. Один из четырех знаменитых братьев Золотаревых, уроженцев Рыбинска, оставил свой заметный след в истории парижской Тургеневки.

За участие в студенческих волнениях в Московском университете зимой-весной 1899 г. Николай Золотарев был исключен из университета и выслан на родину под гласный полицейский надзор (кстати, тогда же университет покинул и отправился учиться за границу студент-естественник Александр Титов). В Рыбинске Н. А. Золотарев принимал участие в работе земских органов, являлся корреспондентом «Северного края», журнала «Современник», написал «Очерк деятельности Рыбинского земства по народному образованию» (Ярославль, 1902). Позже рыбинцу удалось успешно завершить юридический факультет Московского университета.

Однако «революционность» Н. А. Золотарева еще не раз привлекала внимание полиции. После очередного ареста и освобождения до суда под денежный залог Николай Алексеевич принял решение бежать за границу. Так, весной 1908 г. он оказался в Париже. Здесь уже два года как проживал его младший брат Алексей Алексеевич Золотарев (1879–1950) – слушатель естественного факультета Сорбонны²⁰.

Войдя в общественную жизнь русской эмигрантской колонии, Н. А. Золотарев уже вскоре становится членом правления и казначеем Тургеневской библиотеки (в биографических о нем справках его нередко ошибочно называют заведующим и даже директором библиотеки, какой должности вообще не существовало). Официально избранный в состав правления 11 апреля 1910 г., Николай Алексеевич оказался, как свидетельствовали современники, «весыма энергичным работником» библиотеки²¹. В это время она располагалась на улице Saint Jacques, 328, а в декабре 1913 г. переехала в новое помещение на улице Val de Grace, 9.

Обновленный состав правления (под председательством Л. И. Шейниса), заработавший после длительного перерыва, на протяжении которого не созывались общие собрания членов библиотеки (в связи с отъездом эмигрантов в Россию после революции 1905–1906 гг.), с энтузиазмом включился в налаживание ее функционирования. Историк С. Г. Сватиков (член правления и секретарь библиотеки в 1920-х гг.) писал о том времени: «Деятельность, развитая этим составом правления в период 1910–1914 гг., была чрезвычайно полезна по своим результатам для библиотеки, как в смысле упорядочения ее деятельности, так и в смысле увеличения книжных богатств. Правлением были выработаны в 1910 г. формы денежной отчетности, абонементных листков и прочие правила, применявшиеся затем в течение 15 лет без изменений. Упорядочение денежной отчетности повлияло и на успешное поступление средств»²². Новый «Устав Тургеневской Библиотеки в Париже», принятый 23 апреля 1911 г., вновь подтверждал ее характер ассоциации с определенным составом членов. Если в 1910 г. книжный фонд библиотеки составлял 11,5 тыс. томов (включая журналы и дублеты), то в 1913 г., перед мировой войной, уже около 17350 томов книг²³.

Летом 1908 г. Н. А. Золотарев вместе со своим братом А. А. Золотаревым отправился в Италию на о. Капри, где тогда жил М. Горький. Алексей Алексеевич, несколько лет живя за границей, уже бывал у пролетарского писателя на теплом острове и водил с ним дружбу²⁴. Горький в ту пору оказывал немалое влияние на формирование литературных и писательских интересов сорбоннского студента. Во время этой поездки завязалась тесная дружба со знаменитым каприйцем и у Николая Алексеевича Золотарева, вылившаяся в постоянную между ними переписку. Его брат вспоминал, что «Горький очень ценил знания и работу Н. А. и нередко обращался к нему в Париж за справками и книжными поручениями»²⁵. Более того, писатель постоянно посыпал в Тургеневскую библиотеку много своих книг и книг других авторов, о чем знали и помнили последующие поколения эмигрантов в Париже²⁶.

Библиотечная работа братьев Золотаревых, чьими трудами, наряду с другими энтузиастами, была налажена практически замершая деятельность Тургеневки, выходила далеко за рамки собственно библиотеки. Как

вспоминал А. А. Золотарев, «вместе с братом Николаем мы стремились подытожить культурную работу русских библиотек и обществ за границей, собирали материалы для библиографии русских изданий, устраивали первый Римский съезд русских культурно-просветительных организаций..., организовывали книжный обмен между нашими зарубежными библиотеками»²⁷.

В то время, когда в Тургеневской библиотеке работал Н. А. Золотарев, ее постоянным посетителем был парижский эмигрант В. И. Ульянов-Ленин. «Талантливый он человек», – восхищался им Николай Золотарев в одном из писем на родину. Эти письма из Парижа (в числе 14), адресованные брату А. А. Золотареву и родителям в Рыбинск, в 1961 г. обнаружил в Государственном архиве Ярославской области М. Г. Мейерови²⁸. Изъятые в 1910 г. при обыске в Рыбинске и сохранившиеся в копиях охранного отделения, они касались, как формулировалось в полицейском деле, «партийных вопросов и партийных лиц с Максимом Горьким, “товарищем Михаилом”, Лениным и другими во главе»²⁹. Сенсационная находка в духе времени дала ярославскому исследователю повод к публикации под заглавием – «Письма рассказывают о Ленине».

Здесь же историк сообщал и о своей встрече с М. А. Сыромятниковой (сестрой Золотаревых), рассказывавшей, «что Николай писал ей о встречах с Лениным, который знал о работе Золотарева над библиографическим указателем русских социал-демократических изданий»³⁰. Справочник, над составлением которого Н. А. Золотарев трудился в Тургеневской библиотеке, в 1915 г. был издан в Париже, а затем, уже при советской власти, переиздан в Москве³¹. О Близости Н. А. Золотарева к социал-демократическим кругам русской эмиграции говорит и другой факт: сохранился подписанный им от имени Тургеневской библиотеки договор с Заграничным бюро ЦК РСДРП от 10 декабря 1910 г. о передаче ей на временное хранение библиотеки редакции большевистской газеты «Пролетарий»³².

Начавшаяся Первая мировая война сильно ударила по деятельности Тургеневской библиотеке. Добровольцами в ряды французской армии в 1914 г. записались и председатель правления библиотеки Л. И. Шейнис, и «наиболее деятельный член правления» Н. А. Золотарев³³. 12(25) сентября 1915 г. Николай Алексеевич героически погиб, сложив свою голову в сражении на Марне. В России земляки практически сразу узнали о гибели во Франции известного рыбинца. Ярославская газета «Голос» на своих страницах поместила некролог, в котором, между прочим, говорилось: «Родина, которую он не переставал любить на чужбине, зажгла в нем чувство искреннего патриота, и Н. А. Золотарев пошел добровольцем в ряды французской армии. Здесь он за свою доблесть и храбрость получил офицерский чин, но немецкая пуля сразила горячего борца против германского милитаризма.

В лице покойного русская эмиграция потеряла видного и деятельного члена. Вместе со своим братом, писателем А. А. Золотаревым, Николай Алексеевич много поработал для русской колонии в Париже. Благодаря его трудам русская Тургеневская библиотека в Париже была

поставлена на должную высоту и стала действительным культурным уголком для эмигрантов»³⁴.

Многообразная работа эмигрантского деятеля на ниве русского просвещения, как видим, была хорошо известна его землякам. Французское правительство посмертно наградило Н. А. Золотарева орденом Почетного легиона. Как это символично для судьбы русского эмигранта: преследуемый у себя на родине и создававший ее уголок на чужбине, становится кавалером высшей награды признательной Франции. Не помышлявший ни о какой прижизненной или посмертной славе русский интеллигент, всегда органичнее и увереннее себя ощущал за привычной работой в родных стенах Тургеневской библиотеки. Таким его и запечатлел фотограф на снимке (вместе с членом правления Н. А. Палчевским), помещенном в сборнике исторических материалов о Тургеневской библиотеке, вышедшем в Париже в 1987 г.³⁵

После великого исхода из России в 1918–1919 гг. в Тургеневскую библиотеку пришло новое поколение самоотверженных тружеников. В юбилейной статье 1925 г., посвященной 50-летию библиотеки, М. А. Алданов приносил благодарность ее библиотекарям Л. В. Шейнис-Чеховой (которая здесь работала с 1917-го по 1940 гг.) и М. П. Котляревской. Говоря о них, он писал: «Тысячам посетителей библиотеки хорошо известны их огромный труд, их знания, их неизменная любезность, та атмосфера высокой культуры, которую они сумели создать в своем углу на улице Val de Grace. Рядом с ними должно быть по праву поставлено всем знакомое имя С. А. Иванова, председателя правления библиотеки»³⁶.

Сергей Андреевич Иванов (1858(1859) -1927) – также уроженец Ярославля, по образованию врач, окончил Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге. Начиная с середины 1870-х гг. участвовал в деятельности революционных кружков, народоволец, с 1884 г. член Исполнительного комитета «Народной воли». В 1887 г. как активный деятель этой лопатинской организации был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Заключение отбывал в Шлиссельбургской крепости, длившееся около 20 лет. Освобожденный в октябре 1905 г., вступил в ряды партии эсеров. В 1906 г. эмигрировал. С 1910 г. жил в Париже, где постепенно отошел от активной политической деятельности. В годы Первой мировой войны, как и его знакомый Н. А. Золотарев, вступил добровольцем в ряды французской армии³⁷.

На протяжении семи лет, с 1920 г. вплоть до кончины, С. А. Иванов являлся председателем правления Тургеневской библиотеки. Когда в 1917 г. из-за хронического отсутствия средств ей угрожала ликвидация и передача в состав библиотеки Школы восточных языков, то именно Сергей Андреевич отстоял перед французскими властями самостоятельность Тургеневки, вскоре вновь возрожденной к жизни³⁸. Активный участник других эмигрантских общественно-политических организаций (Земгора, Политического Красного Креста, парижского Комитета партии эсеров, Комитета помощи писателям и ученым и др.), масон, С. А. Иванов был фигурой заметной в русском Париже. На его смерть в феврале 1927 г. откликнулись многие эмигрантские издания, в числе авторов некрологов значатся имена М. А. Алданова, В. Н. Буниной.

Имя еще одного ярославца неразрывно связано с историей парижской Тургеневской библиотеки. Дмитрий Михайлович Одинец (1882–1950), уже упоминавшийся выше в числе участников временного комитета «Русского литературного архива», созданного при библиотеке, долгие годы являлся членом правления (с 1927 г.), а затем председателем правления Тургеневки (1933–1940). Именно на его долю выпала трагическая миссия главного свидетеля варварского расхищения гитлеровцами библиотеки, чему он, как мог в тяжелейших условиях оккупации, пытался противостоять.

Д. М. Одинец родился в 1882 г. в Санкт-Петербурге, но все его детство и юность прошли в Ярославле. Его отец, Михаил Николаевич Одинец, почти два десятилетия прослужил старшим врачом в ярославском военном лазарете. Все ярославцы хорошо знали и высоко ценили профессиональные и человеческие качества М. Н. Одинца. Когда в июне 1910 г. он скончался, то газета «Голос» сообщила: «Умер один из лучших в Ярославле врачей-терапевтов». В его некрологе особенно подчеркивалось: «Одинец пользовался любовью и уважением за свой отзывчивый и мягкий характер, как со стороны своих сослуживцев врачей и подчиненных, так и со стороны тех многочисленных жителей города, которые обращались к нему за медицинской помощью и советом. Известие о его кончине произвело на всех знатных его угнетающее впечатление»³⁹.

В Ярославле семья врача проживала на ул. Даниловской (ныне – Пушкина), в доме № 12 (согласно материалам переписи 1897 г.)⁴⁰. В 1901 г. Дмитрий Одинец окончил Ярославскую мужскую гимназию и поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета.

Во время учебы в университете Д. М. Одинец выезжал за границу, где в 1902–1903 гг. слушал лекции в Берлинском университете. Очевидно, именно в этот период произошло его знакомство с земляком-ростовцем – Ал. Ан. Титовым, тогда студентом Берлинского университета. И в последующем их судьбы, как в России, так и в эмиграции, не раз пересекались⁴¹. В воспоминаниях, написанных во Франции в 1950-е гг., Титов называет Одинца своим приятелем.

По окончании в 1907 г. Петербургского университета Д. М. Одинец был оставлен при кафедре истории русского права. До 1917 г. он вел большую научно-преподавательскую деятельность, одновременно занимая в образовательной сфере ряд высоких административных должностей. В 1916 г. он был избран председателем учебного отдела Петроградского общества народных университетов. В революционную пору активно включился в политическую работу. В июне 1917 г. вошел в состав ЦК Трудовой народно-социалистической партии (одним из членов которого являлся Ал. Ан. Титов), был организатором и руководителем киевского отдела этой партии. По назначению Временного правительства занимал в Киеве пост министра по великорусским делам, являлся председателем Южного комитета Союза возрождения России. С 1920 г. жил в эмиграции, сначала в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, Польше, затем – во Франции. В разные годы в качестве профессора работал в Русском народном университете в Праге, Сорбонне и Франко-русском институте социальных, политических и юридических наук в Париже. Являлся членом Русского академического союза, а в 1927–1930 гг. – его генеральным секретарем. Сотрудник эмигрантских газет «Последние новости» и «Новая Россия».

Входил в братство масонов. Этот далеко не полный «послужной список» профессора Д. М. Одинца рисует образ одного из самых деятельных и видных представителей русской эмиграции в Париже⁴².

В течение семи лет – вплоть до момента гибели главного книгохранилища русской эмиграции – Д. М. Одинец оставался председателем правления Тургеневской библиотеки. Именно он, благодаря своей настойчивости и высокому авторитету в среде русской эмиграции и также французских культурных деятелей, сумел добиться переезда библиотеки, остро нуждавшейся в дополнительных площадях, в просторный особняк на улице *Bucherie*. При его непосредственном участии и руководстве происходило создание в новом библиотечном помещении «Русского литературного архива», идеей которого он зажег многих знаменитых эмигрантов, поддержавших своим именем это начинание. С момента оккупации гитлеровцами французской столицы все резко изменилось: оборвалось не только нормальное течение жизни, но и само пребывание в Париже подчас было небезопасным.

Историю похищения гитлеровцами Тургеневской библиотеки в своих коротких воспоминаниях (кстати, впервые опубликованных в 1961 г. в малоизвестном алма-атинском журнале «Простор») рассказал Николай Николаевич Кнорринг – в ту трагическую пору член правления библиотеки и ближайший помощник Д. М. Одинца. Все началось с появления в библиотеке – сразу после занятия немцами Парижа (14 июня 1940 г.) – некоего доктора Гельмута Вейса⁴³. «Особенно его интересовал вопрос, существует ли какая-нибудь зависимость библиотеки от советского посольства. Попутно немец интересовался составом правления библиотеки, политическими убеждениями ее членов и даже записал адреса председателя правления и мой. Затем он вдруг заговорил о возможности покупки библиотеки Германией»⁴⁴.

На все выдвигавшиеся притязания немец однозначно получал отрицательный ответ: даже теоретически продажа общественной библиотеки была бы невозможной, – это попросту противоречило ее уставу. Такой непоколебимый аргумент выдвигал Д. М. Одинец, практически в одиночку противостоявший надвигавшейся угрозе в «обезлюделвшем» Париже (очень многие русские эмигранты заранее покинули город и страну). Предчувствуя неладное, он поспешил обратиться за покровительством к французским властям – к префекту Сены в *Hotel de Ville*. В тот самый момент, когда в Мэрии Парижа проходили переговоры (это было 24 сентября 1940 г.), в приемную префекта вошли четверо военных, один из которых оказался Вейс. «От имени германского командования Вейс заявил, что деятельность Тургеневской библиотеки прекращается, и потребовал ключи от помещения. После этого Одинцу было предложено подписать бумагу, в которой значилось, что: 1) объявлен приказ о прекращении деятельности Тургеневской библиотеки, являющейся частным достоянием и не состоящей ни в какой юридической связи ни с французским, ни с советским правительством, и что 2) ключи переданы доктору Вейсу»⁴⁵.

О конфискации же библиотеки, как далее свидетельствует Н. Н. Кнорринг, в предъявленном акте не было сказано ни слова. Но уже через несколько дней книги в помещении *Hotel Colbert* начали упаковывать и увозить. «На дворе библиотеки появились ящики размером приблизительно

около кубического метра, в которые немцы стали складывать книги. Сколько было всего ящиков, – я не знаю, но, судя по стоявшим на них номерам, их было свыше девятисот...»⁴⁶. Удар оказался столь ошеломляющим, что собравшиеся на заседание растерянные члены правления библиотеки не знали, что предпринять.

Свидетелем ограбления Тургеневской библиотеки стала писательница Нина Берберова, приехавшая в тот день в Париж из провинции и пришедшая на улицу *Bucherie*, чтобы вернуть ранее взятую книгу. Весь двор, согласно ее описанию, был заставлен «длинными ящиками некрашеного дерева, похожими на гроба». Когда же она поднялась в помещение библиотеки, то обнаружила, что там «шла быстрая, энергичная, ритмичная укладка книг»⁴⁷. Среди находившихся здесь немцев Берберова узнала того самого молодого «коллекционера русских изданий»...

В своих воспоминаниях писательница подтверждает факт общей растерянности и отчаяния от бессилия, возобладавших в настроении эмигрантов. Она рассказывает, как, покинув библиотеку, она в ту же минуту отправилась на Монпарнас к В. А. Маклакову. «Через минуту он уже звонил председателю Правления Тургеневской библиотеки, Д. М. Одинцу, историку и сотруднику газеты П. Н. Милюкова “Последние новости”. А через полчаса Одинец уже был с нами»⁴⁸.

По общему, какому-то идеалистическому, заключению собравшихся на квартире Маклакова, единственное, что можно было еще предпринять в сложившейся безысходной ситуации, – обратиться в советское посольство. Отправиться туда вызвался Д. М. Одинец. Его рассказ по возвращении тогда записала Н. Н. Берберова: «Его ввели в одну комнату, затем в другую. Он сказал, что хочет видеть первого секретаря, или заместителя посла, или, если можно, самого посла. Сначала он говорил с одним человеком, потом с другим, потом с третьим. Кто они были, осталось ему неизвестным. Он несколько раз объяснял, зачем пришел: вступиться за русскую библиотеку; Тургенев основал; Тургенев – “Отцы и дети”, “Рудин”, – когда в Париже жил... На лицах не отражалось ничего. Это надо сделать скоро, иначе все книги уйдут... Но слушавшие его люди только плечами пожимали: при чем тут мы? Эмигрантские дела! Нас совершенно это не касается. “И вдруг, – сказал Одинец, – словно меня осенило, и я сказал им: в этой библиотеке Ленин работал, там есть книги с его пометками, там есть книги, которые оставил в библиотеке, там даже есть стул, на котором он сидел (у меня, сказал Одинец, работало воображение, как никогда в жизни)”. И вдруг люди забегали, засуетились, позвали еще троих, заставили повторить слова о Ленине.

– Провожая меня, – закончил Одинец, – они провели меня через совсем другие двери. И они все отпирали их и запирали их. И, представьте себе, мне показалось, что один из них даже обещал, что он что-то такое предпримут, хотя, конечно, мало это вероятно. А наверное, одного телефонного звонка было бы достаточно!..»⁴⁹

И. Г. Эренбург в своих мемуарах «Люди, годы, жизнь» поведал случай, как в 1945 г. к нему пришел незнакомый советский офицер, только что вернувшийся из повержнутой Германии, и принес старинные письма писателя, случайно им найденные. «Офицер рассказал, что на одной немецкой станции он видел распотрошенные ящики: русские книги, рукописи, письма валялись на земле; он подобрал несколько писем Горького и,

случайно заметив на истлевшем листке мою подпись, решил доставить мне удовольствие. Таков конец Тургеневской библиотеки»⁵⁰.

В действительности же, конец библиотеки пришелся на 1951 г. И погибла она не от рук немецких захватчиков, как долгие годы считалось, а от рук советских особистов по чьему-то преступному распоряжению из Москвы. Согласно недавно обнаруженному в Государственном архиве Российской Федерации Н. Петровским документу, еще в 1946 г. Тургеневская библиотека (в количестве, примерно, 60 тыс. томов) находилась в офицерском клубе Северной группы советских войск в польском городе Легница (бывший германский город Лигниц в Нижней Силезии). Здесь она, исходя из отчета подполковника А. Д. Маневского, начальника музейно-библиотечной трофейной группы Особого комитета при Государственном комитете обороны (ГКО), широко обслуживала «книгой на русском языке наших командиров»⁵¹. В марте того же года «ряд редких изданий» был отобран и отправлен в Библиотеку им. В. И. Ленина в Москву. В отчете также высказывалось предположение о посылке какого-то количества книг из библиотеки в эшелоне, ранее направленном в Минск.

Сваленная в беспорядочную груду Тургеневская библиотека в советском офицерском клубе бывшего немецкого городка пролежала, в условиях строжайшей секретности, вплоть до 1951 г. Здесь ее и застал В. Сашонко, тогда военнослужащий штаба Северной группы войск, в 1994 г. обнародовавший в журнале «Нева» свое сенсационное свидетельство о гибели Тургеневки. О том, что не положено ему было знать, он услыхал от своего приятеля – начальника библиотеки гарнизонного Дома офицеров А. Родионова. Последнему было приказано сжечь все до единой книги бывшей эмигрантской библиотеки. Очередной варварский приказ неминуемо был приведен в исполнение. «Тургеневская библиотека, – вспоминал очевидец этой жестокой и бессмысленной акции, – медленно превращалась в прах и дым, рассеивавшийся над Легницией. И только единицы знали, что за дым и что за пепел оседает на крышах близлежащих зданий. Кремация завершилась докладом по начальству: приказ выполнен!..»⁵² Страшное свидетельство безумного времени... Завершая свой поразительный рассказ, вырвавшийся из глубины души в эпоху гласности после долгих лет вынужденного молчания, В. Сашонко писал: «Собрание книг с улицы Валь-де-Грас постигла печальная участь миллионов узников фашистских концлагерей – несчастных страдальцев, уходивших в небытие через трубы крематориев. Разница лишь в том, что палачами книг с улицы Валь-де-Грас стали их же освободители! Такой вот странный парадокс XX в. Впрочем, такой ли уж странный?!»⁵³

Печальна была и последующая судьба Д. М. Одинца. Вскоре после конфискации в Париже Тургеневской библиотеки он был заключен фашистами в лагерь Компьень, где, впрочем, не прекращал своей просветительской деятельности, – читал для заключенных лекции. Подорвав здоровье, он был крайне ослаблен и истощен. «Конец жизни Д. М. Одинца, – писала Берберова, – был довольно грустен: мы знали друг друга давно, и я несколько раз навещала его в больнице Валь-де-Грас, когда его оперировали (в самый разгар войны). Он лежал в общей палате и, видимо, страдал от недоедания, продовольственное положение перед концом войны было тяжелым. Его молоденькая прелестная дочка варила ему какао на ночном

столике, на спиртовке, он пил прямо из кастрюли, другие больные смотрели на это с завистью, и тогда она варила и им. Оправившись после операции, он в 1944 г. записался в советские патриоты и очень скоро выехал в Советский Союз, где ему позволили жить в Казани; там он через несколько лет и умер»⁵⁴.

Уточняя сведения, приводимые мемуаристкой, укажем, что в 1944 г. Д. М. Одинец вступил в ряды созданного группой эмигрантов Союза русских патриотов, вскоре преобразованного в Союз советских патриотов. Являясь с 1947 г. председателем этого Союза, он редактировал его основной орган – газету «Русский патриот», а затем «Советский патриот». Тогда же он стал одним из организаторов советской школы в Париже, председателем ее педагогического совета и преподавателем истории. В марте 1948 г. на квартире Д. М. Одинца французские власти арестовали нескольких «советских патриотов» и под конвоем депортировали в советскую оккупационную зону Германии. Проведя некоторое время на излечении в Берлине, уже отсюда он был отправлен по месту «распределения» – в Казань. Недолго длилась педагогическая карьера Д. М. Одинца в качестве профессора Казанского университета: 10 мая 1950 г. его не стало⁵⁵.

Роль наших соотечественников и земляков, выходцев из Ярославского края, как показывает изучение истории Тургеневской библиотеки – самой знаменитой русской библиотеки в изгнании, на различных этапах ее существования зачастую была ведущей. Ярославская земля дала многих замечательных деятелей просвещения, и мы по праву можем гордиться теми ее представителями, кто в переломные и трагические периоды российской истории XX в., оказавшись на чужбине, самоотверженно сохранял и приумножал русскую культуру.

В приложении публикуется статья Д. М. Одинца «Тургеневская библиотека», впервые напечатанная в парижской газете «Последние новости» 2 марта 1937 г. (№ 5821). Воспроизводится по публикации в кн.: Русская общественная библиотека имени И. С. Тургенева. Сотрудники. – Друзья. – Почитатели: Сборник статей / Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves. T. 78. Paris, 1987. С. 95–97.

Примечания

¹ См., например: Шиперович Б. Тургеневская библиотека в Париже // Альманах библиофила. М., 1975. Вып. 2. С. 147–153; Русская общественная библиотека имени И. С. Тургенева. Сотрудники. – Друзья. – Почитатели: Сборник статей / Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves. T. 78. Paris, 1987; Носик Б. Детище Тургенева. (Русская библиотека в Париже) // Носик Б. Привет эмигранта, свободный Париж! М., 1992. С. 187–191; Его же. Прогулки по Парижу. Левый берег и острова. М., 1999. С. 297–298; Давыдова М. Очаг русской культуры // Библиотека. 1993. № 10. С. 48–51; Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 90–91; Шаховской Д. М. Тургеневская библиотека и ее деятельность // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. М., 1994. Кн. 2. С. 459–469.

² Алданов М. Юбилей Тургеневской библиотеки // Русская общественная библиотека имени И. С. Тургенева... С. 35.

³ Итенберг Б. С. Российская интеллигенция и Запад. Век XIX:

Очерки. М., 1999. С. 83-95.

⁴ Цит. по: Сватиков С. Г. Русская общественная библиотека имени

И. С. Тургенева в Париже (1875–1925) // Русская общественная библиотека

имени И. С. Тургенева... С. 28.

⁵ См.: Делевский Ю. Тургеневская библиотека в Париже // Русская

общественная библиотека имени И. С. Тургенева... С. 33.

⁶ Алданов М. Указ. соч. С. 35.

⁷ – Ъ. Торжество в Тургеневской библиотеке // Русская

общественная библиотека имени И. С. Тургенева... С. 100.

⁸ Русский литературный архив в Париже // Русская общественная

библиотека имени И. С. Тургенева... С. 107.

⁹ Осоргин М. Литературные размышления // Русская общественная

библиотека имени И. С. Тургенева... С. 103.

¹⁰ Несколько позже выяснилось, что акция конфискации

Тургеневской библиотеки осуществлялась специальным подразделением

Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». Русские книги Розенбергу

(кстати, прибалтийскому немцу, бывшему российскому подданному)

понадобились для создания в Берлине так называемой «Восточной

библиотеки» (см. об этом: Кнорринг Н. Н. Гибель Тургеневской библиотеки в

Париже // Русская общественная библиотека имени И. С. Тургенева... С. 118;

Петровский Н. Зондеркоманда «Кюнсберг» и другие // Эхо планеты. 1999.

№ 37. С. 26-31; Его же. По следам Тургеневской библиотеки // Там же. 2000.

№ 47. С. 29-30).

¹¹ Впрочем, в эмигрантской среде возникали и другие версии судьбы

похищенной библиотеки. З. А. Шаховская позднее писала: «Из Парижа была

немцами вывезена в Лейпциг самая обширная русская библиотека,

Тургеневская... А из Лейпцига была она вывезена Советами в СССР, в

сталинское время, поэтому, может быть, не все попало хотя бы под спуд,

возможно, что что-либо особенно жгучее для режима могло быть и

уничтожено» (Шаховская З. А. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991.

С. 285). Писатель-эмигрант Б. М. Носик, ныне живущий в Париже, еще в

1999 г. полагал, что библиотека сохранилась и, возможно, где-то «гниет» в

подвалах Минска. «...После войны вступила в права советская мистика. Был

пущен слух, что библиотека сгорела (война все спишет), но книги со

штампами “тургеневки” по временам вдруг всплывали на черном рынке

Москвы или Питера, появлялись на полках у библиофилов. С

распространением гласности все смелее стали говорить, что украденные

книги не сгорели, но что они “трофей” и оттого их нельзя вернуть бедной

эмigrации. Однажды молодой минчанин из “знающих” сказал мне, что видел

книги “тургеневки” в подвале в Минске. Сведения эти, как я позднее

обнаружил, уже дошли до Парижа...» (Носик Б. Прогулки по Парижу. Левый

берег и острова. М., 1999. С. 297). На протяжении всех послевоенных

десятилетий о судьбе русской парижской библиотеки достоверно ничего не

было известно. Лишь в недавнее время появившиеся публикации проливают

на эту загадку XX столетия некоторый свет, см.: Сашонко В. Книги с улицы

Валь-де-Грас // Нева. 1994. № 10. С. 301-305; Петровский Н. По следам

Тургеневской библиотеки; Его же. Сокрытые страницы истории. М., 2004

(глава: «По следам Тургеневской библиотеки»).

¹² Цит. по: Осоргин М. Горе русских в Париже. Уничтожена Тurgеневская библиотека // Русская общественная библиотека имени И. С. Тургенева... С. 111.

¹³ Там же. С. 113.

¹⁴ См.: Смирнов Я. Е. Андрей Александрович Титов (1844–1911) / Под ред. С. О. Шмидта. М., 2001.

¹⁵ Вельмин А. П. Памяти А. А. Титова // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1962. 4 янв.

¹⁶ См.: Смирнов Я. Е. Огонь рода: [о потомках Ан. Ал. Титова, живущих во Франции] // Золотое кольцо. 1999. 15 июля (№ 130). С. 5. – («Уединенный пошехонец»; вып. 80); Его же. Отчий дом // Золотое кольцо. 2000. 13 апр. (№ 69). С. 4, 6. – («Уединенный пошехонец»; вып. 88); Титов Ал. Ан. «Все мы тогда были уверены, что большевики долго не продержатся...» / Публ. Я. Е. Смирнова // Ярославль многоликий. 2002. № 3. С. 31-32; Смирнов Я. Е. Потомки Андрея Александровича Титова во Франции: встречи и впечатления // На земле Преподобного Сергия Радонежского: Четвертые и пятые краеведческие чтения, 2004, 2005 годы: Сборник статей. Ростов Великий, 2006. Вып. 3. С. 32-47.

¹⁷ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1777. Л. 47–48; на бланке: Hotel Richmond. 11, Rue du Helder, 11.

¹⁸ Троф-в И. Памяти В. А. Малоземовой // Голос (Ярославль). 1909. 17 июня (№ 93). С. 3.

¹⁹ См. о нем: Астафьев А. В., Астафьева Н. А. Писатели Ярославского края. Ярославль, 1990. С. 233-234; Тишинина О. Ю. Николай Алексеевич Золотарев (1877–1915) // Ярославский календарь на 1997 год. Ярославль, 1997. С. 27-29.

²⁰ См. о нем, например: Алексеев В. П. Ярославские краеведы: Библиографический указатель, аннотированный. Ярославль, 1989. Ч. 2. С. 15-17; Хализев В. Е., Чуваков В. Н. Золотарев Алексей Алексеевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 347-350.

²¹ Сватиков С. Г. Указ. соч. С. 30.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ См.: Мейерович М. Г. Встречи на Капри // Северный рабочий. 1963. 28 марта (№ 74). С. 3–4; Золотарев А. А. Горький-каприец / Публ. А. В. Астафьева // Позывные сердца: Сборник литературно-критических статей. Ярославль, 1969. С. 305-320.

²⁵ А. З. [Золотарев А. А.] Переписка Горького с рыбинцами и костромичами // Северный рабочий. 1939. 18 июня (№ 137). С. 3.

²⁶ «По примеру Тургенева, ей (библиотеке. – Я. С.) жертвовали свои книги все русские писатели (много книг, своих и чужих, присыпал Максим Горький» (Осоргин М. Горе русских в Париже... С. 112).

²⁷ Цит. по: Чубукова Ю. И. Гонимый в прошлом, но не забытый // Библиотека. 1993. № 7. С. 21.

²⁸ См.: Мейерович М. Г. О чем рассказали письма // Северный рабочий. 1963. 29 мая (№ 125). С. 2-3; Его же. Счастливая находка // Звезды над Волгой: Литературно-художественный сборник. Ярославль, 1964. С. 102-106.

²⁹ Мейерович М. Г. Письма рассказывают о Ленине // Вопросы истории. 1980. № 4. С. 176-181.

³⁰ Там же. С. 178. А. А. Золотарев также вспоминал: «Помню, когда я поделился ... своим впечатлением о Ленине с братом Николаем, он рассказал мне и о своем впечатлении. Работая в Париже над библиографическим указателем революционной литературы, вышедшим во Франции на русском языке, он имел случаи беседовать с представителями разных революционных течений. Только Ленин понимает всю ценность и значительность документов революционного прошлого. Он настоящий хозяин своего дела. Его интересует и прошлое своей партии, и во все вникает, помнит каждую мелочь, готов понять, облегчить труд каталога и коллектра. С ним хорошо работать» (Золотарев А. А. Горький-каприец. С. 318).

³¹ См.: Золотарев Н. А. Социал-демократические издания. Указатель социал-демократической литературы на русском языке (1883-1905 гг.). М., 1922.

³² См.: Мейерович М. Г. Письма рассказывают о Ленине. С. 178.

³³ Сватиков С. Г. Указ. соч. С. 30

³⁴ Николай Алексеевич Золотарев // Голос (Ярославль). 1915. 22 сент.(5 окт.) (№ 215). С. 3.

³⁵ См.: Русская общественная библиотека имени И. С. Тургенева... С. 24.

³⁶ Алданов М. Указ. соч. С. 35.

³⁷ См. о нем справочные статьи: Иванов Сергей Андреевич // Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи. 1917–1997: В 6 т. / Сост. В. Н. Чуванов. Под. ред. Е. В. Макаревич. М., 2001. Т. 3. С. 30; Иванов Сергей Андреевич // Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 355.

³⁸ В историческом очерке о Тургеневской библиотеке, впервые опубликованном в «Новом журнале» в 1969 г., Л. В. Шейнис-Чехова писала, вспоминая начатые С. А. Ивановым библиотечные преобразования: «После русской революции было решено (и изменение введено в Устав общим собранием), что перевыборы Правления и ревизионной комиссии будут происходить только каждые три года (до этого происходили ежегодно. – Я. С.). Это нововведение было сделано, главным образом, по настоянию социал-революционера С. А. Иванова (бывшего шлиссельбургца)» (Шейнис Л. В. Тургеневская библиотека // Русская общественная библиотека имени И. С. Тургенева... С. 59).

³⁹ Михаил Николаевич Одинец // Голос (Ярославль). 1910. 23 июня(6 июля). (№ 137). С. 3.

⁴⁰ ГАЯО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 1327.

⁴¹ Хроника научной, культурной и общественной жизни русского Парижа не раз фиксирует совместное участие Ал. Ан. Титова и Д. М. Одинца в различных эмигрантских мероприятиях. Так, к примеру, 30 января 1926 г. в связи с юбилеем Н. В. Чайковского парижская группа народных социалистов и комитет помощи ученым и писателям провели вечер, на котором с докладами, кроме Н. Д. Авксентьева, М. А. Алданова, П. Н. Милюкова и С. П. Мельгунова, выступили Ал. Ан. Титов и Д. М. Одинец. (В изданной в Париже в 1929 г. под редакцией Ал. Ан. Титова книге «Николай Васильевич Чайковский. Религиозные и общественные искания», посвященной

известному революционеру, содержатся воспоминания Д. М. Одинца «В кружке “чайковцев”») 22 ноября 1936 г. в Литературной секции Русского клуба состоялось торжественное заседание по случаю 225-летия М. В. Ломоносова. В тот день прозвучали доклады Д. М. Одинца и Ал. Ан. Титова, соответственно, «Слово о Ломоносове» и «Ломоносов как ученый» (см.: La vie culturelle de l’émigration russe en France. Chronique (1920–1930) / Établie par M. Beyssac. Paris, 1971. С. 94; Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни 1920–1940. Франция. М.; Париж, 1996. Т. 3: 1936–1940. С. 236).

⁴² См. подробнее: Одинец Дмитрий Михайлович // Серков А. И. Указ. соч. С. 603–604. См. также: Гуль Р. Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. М., 2001. Т. 2: Россия во Франции. С. 103.

⁴³ Очевидно, именно об этом человеке – «молодом немце, книголюбе и ценителе русских изданий» – говорится в воспоминаниях Н. Н. Берберовой. Впервые писательница повстречала его в квартире И. И. Фондаминского. «Немец этот (насколько я помню, это был штатский человек) заходит как свой, иногда и днем; он покупает у букинистов старые русские книги, у него громадная коллекция, и Фондаминский уверил меня, что он спокоен не только за свои книги, но и за самого себя (в 1942 г. И. И. Фондаминский-Бунаков (1880–1942), виднейший деятель русской эмиграции, один из основателей и соредакторов журнала «Современные записки», был замучен в фашистском концлагере Аушвиц. – Я. С.). Делать было нечего. Я с грустью оглядела полки, на которых стояло столько прекрасных книг, и собиралась было уйти, как раздался стук в дверь и в комнату вошел молодой человек, светловолосый, в очках, с улыбкой на довольно приятном лице. Это и был новый знакомый Фондаминского. “Мы сегодня решили сходить в Тургеневскую библиотеку, – сказал мне Фондаминский, знакомя нас, – я хочу показать, какие у нас там есть замечательные книги”. Я вышла с тяжелым чувством» (Берберова Н. Н. Конец Тургеневской библиотеки // Берберова Н. Н. Биянкурские праздники; Рассказы в изгнании. М., 1997. С. 434).

⁴⁴ Кнорринг Н. Н. Указ. соч. С. 117.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Берберова Н. Н. Указ соч. С. 434.

⁴⁸ Там же. С. 436.

⁴⁹ Там же. С. 437–438; Берберова Н. Н. Курсив мой: Автобиография. М., 1996. С. 682; Ее же. Люди и ложи. Русские масоны столетия. Харьков, 1997. С. 185, 301. Свою версию ликвидации библиотеки при непосредственном участии доктора Вейса (Вейца) в июле 1941 г. зафиксировал историк С. П. Мельгунов: «Надо из прошлого записать еще о Тургеневской библиотеке. Истинная причина ее захвата для меня не ясна. Слышал, что инициатора этого д-ра Вейца будто бы хотели предать суду. Вейц впервые появился у Фондаминского в редакции “Дней”, которая была захвачена, как и “Последние новости”. Библиотеку Фондаминского не тронули. Вейц беседовал дружественно с Фондаминским: расспрашивал о русских организациях, говорил, что занят выяснением русского вопроса (между прочим, усиленно интересовался масонами). Теперь обвиняют Фондаминского в излишней-де болтовне. Затем Вейц появился в

Тургеневской библиотеке, предлагал ее купить, а потом реквизировал. Я объяснял это тем, что Тургеневская библиотека помещалась у Пана, который для хвастовства на своих бланках напечатал “Тургеневская Библиотека”. Пан – это институт международной эмиграции. Механически сюда могла попасть и Тургеневская библиотека. Одинец под влиянием Парчевского (Парчевский Константин Константинович (1891–1945) – историк, публицист. – Я. С.) ездил в советское полпредство: “защитить национальное достояние”. Это, конечно, немцам было известно. Подавали прошение фюреру, но ответа не получили. Хлопотали через Риттиха, родственника немецкого коменданта. Тот стал откращиваться, так как ему сказали, что причины какие-то чрезвычайно важные: намекали на сокрытие масонских бумаг и пр.» (Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники / Сост. Ю. Н. Емельянов. М., 2003. С. 455-456).

⁵⁰ Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания. В 3-х т. М., 1990. Т. 1. С. 101.

⁵¹ Цит. по: Петровский Н. По следам Тургеневской библиотеки. С. 31.

⁵² Сашонко В. Указ. соч. С. 304.

⁵³ Там же. С. 304-305. Разрозненные экземпляры книг со штемпелем Тургеневской библиотеки ныне хранятся в Российской Государственной библиотеке, в Государственной общественно-политической библиотеке (118 экземпляров), в Государственной публичной исторической библиотеке, в библиотеке Воронежского университета, в Национальной библиотеке Белоруссии, и в самой Тургеневской библиотеке в Париже (см.: Петровский Н. По следам Тургеневской библиотеки. С. 31; Серков А. И. Рец. на кн.: Полов А. В. Русское зарубежье и архивы: Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. М., 1998 // Новое литературное обозрение. 2000. № 4(44). С. 407; по свидетельству Н. Н. Берберовой, около 600 дублетных книг, хранившихся в подвале отеля Кольбер, положили начало восстановленной в 1959 г. русской библиотеке).

⁵⁴ Берберова Н. Н. Конец Тургеневской библиотеки. С. 436-437. См. также: Ее же. Курсив мой... С. 448, 456; Ее же. Люди и ложи... С. 301.

⁵⁵ См.: Одинец Дмитрий Михайлович // Серков А. И. Указ. соч. С. 604.

Приложение

Д. М. Одинец
Тургеневская библиотека

На днях парижский муниципалитет решил предоставить Тургеневской библиотеке приют в принадлежащем городу Парижу бывшем дворце знаменитого Кольбера, прекрасном архитектурном памятнике конца XVII века, на улице Bucherie. Тем самым положение одного из богатейших русских книгохранилищ за границей оказывается упроченным, нужно думать, навсегда.

За 62 года своего существования Тургеневская библиотека, несомненно, успела сделаться неотделимой принадлежностью культурного, университетского и писательского Парижа. Основание русской библиотеки в

столице Франции было положено 1 января 1875 года. В этот день общее собрание эмигрантской русской колонии, происходившее под председательством Германа Щепатина, решило обратиться к ряду лиц с просьбой снабдить намеченную к открытию русскую библиотеку книгами и журналами. Первым откликнулся на этот призыв И. С. Тургенев. Пожертвованные им книги составили первоначальный, основной фонд библиотеки. Вскоре после этого Тургенев устроил у себя на квартире в пользу вновь образовавшейся библиотеки первое «Музыкально-литературное утро», на котором, кроме самого хозяина, приняли участие Полина Виардо-Гарсиа, Глеб Успенский, поэт Курочкин и другие. [...]

В дальнейшем не раз еще общее собрание читателей библиотеки обращалось за поддержкой к Тургеневу, в полной уверенности, что он никогда не перестанет считать библиотеку своим родным детищем. Постановления общего собрания в таких случаях обычно оканчивалось словами: «Принимая во внимание отсутствие в кассе средств, – обратиться к И. С. Тургеневу...». И не было случая, чтобы Тургенев не оправдал возлагавшихся на него надежд.

Формально «Русская библиотека» в Париже стала называться «Тургеневской» только с 1883 года, после смерти писателя, когда общее собрание членов библиотеки постановило присвоить ей наименование «Тургеневской», в память того, кому она была стольким обязана. Но еще при жизни Тургенева его имя начало уже с каждым годом все прочнее связываться с «Русской библиотекой» в Париже.

Годы шли, и Тургеневская библиотека, хотя и не раз переживавшая немалые материальные затруднения, в начале медленно, а затем все быстрее и быстрее умножала свои книжные богатства. В 1900 году в ней было 3500 томов; в 1913 – 17350 томов; в 1925 – 50000 томов; наконец, в 1937 году – свыше 100000. В связи с ростом библиотеки, естественно, должны были расти и расходы по ее содержанию. Для громадного книгохранилища, в первую очередь, требовалось соответствующее по размерам помещение. В годы экономического подъема эти расходы с лихвой покрывались подписной платой многочисленных подписчиков. В это счастливое время библиотека могла тратить на покупку новых книг до 2000 фр[анков] в месяц. Однако к началу 30-х годов в связи с затянувшимся общим экономическим кризисом, период процветания сменился исключительно тяжелыми годами. Несмотря на то, что, за исключением квартирных, все расходы библиотеки, в том числе и жалованье библиотекаршам, были по необходимости до крайности скжаты; нередки были месяцы, дававшие до тысячи фр[анков] убытка. В этих условиях правление библиотеки решило повторить попытку, которая 50 лет тому назад не удалась его предшественникам, и обратилось к парижскому муниципалитету с ходатайством о представлении библиотеке дарового приюта в одном из городских зданий.

Само собой разумеется, что положительный ответ на это ходатайство не мог прийти сразу. В течение последних полутора лет не раз надежда на благополучное разрешение вопроса сменялась жестокими разочарованиями, и все хлопоты приходилось начинать сызнова. Но кроме многократных разочарований, эти тяжелые полтора года в то же время доказали, что у Тургеневской библиотеки не мало искренних друзей не

только среди русских, но и среди французов. Именно активной помощи всех французских друзей Тургеневская библиотека и обязана тем, что парижское городское самоуправление согласилось ее приютить.

Русские люди, конечно, должны знать имена тех, кто помог спасти старейшую и богатейшую библиотеку за границей, тем более что помочь, оказанная Тургеневской библиотеке видными французскими общественными деятелями, учеными и писателями, несомненно, объясняется той высокой оценкой, которую квалифицированная французская среда дает этой библиотеке, сумевшей собрать на своих полках многочисленные произведения русского гения.

Библиотеку поддержали французские ученые-слависты профессора: Лабри, Легра, Лиондель, Андрэ Мазон, Оман, Патуйэ, муниципальные советники и служащие городского самоуправления: Жиллуен, гр. де Кастелан, Ривэ, Дирас, Кабуа, Шапюйе, министр народного просвещения Жан Зэй, префект департамента Сены Вильнэй, бывший министр народного просвещения в кабинете Пуанкарэ, сенатор Онора, писатель Андрэ Моруа и многие другие. Наконец, в последнее время существеннейшую поддержку оказали ей маркиз Э. Навай-Лабатю и хорошо известный всей русской эмиграции Марсель Пан, возглавляющий недавно возникший французский «Институт истории современной политической эмиграции». С января сего года Тургеневская библиотека и «Институт эмиграции» выступали перед парижским муниципалитетом всегда совместно.

Самое ценное в поддержке, которая была оказана Тургеневской библиотеке ее французскими друзьями, было то, что эта поддержка была менее всего формальной. Проф[ессор] Андрэ Мазон, например, с самого начала принял судьбы Тургеневской библиотеки близко к сердцу. Он искренно болел всеми ее неудачами и сам, по собственному своему почину, выступал неизменным и неустанным ходатаем за нее перед влиятельными членами муниципалитета. Проф[ессор] Легра не поколебался написать в парижский муниципалитет, что готов специально приехать из Дижона в Париж для того, чтобы поддержать ходатайство Тургеневской библиотеки. Ректор Лильского университета проф[ессор] Лиондель писал префекту департамента Сены: «В течение ряда лет мне хорошо известны неоценимые услуги, оказанные Тургеневской библиотекой не только русским поколениям, живущим в Париже, но также и французам... Я принадлежал к числу последних, и мне известен ряд моих коллег, которые только там могли найти указания и книги, которые были для них совершенно необходимы. Тургеневская библиотека, при всех превратностях русской судьбы во Франции, неизменно оставалась учреждением полезным, живым и достойным большого имени, которое она носит. Это тот светоч, которому мы не можем позволить погаснуть. Его исчезновение было бы неправомерной потерей». Перечислить в данной статье все то, что французские ученые писали городскому парижскому самоуправлению, поддерживая ходатайство Тургеневской библиотеки, невозможно. В немногих словах их чувства могут быть формулированы одной фразой из письма проф[ессора] Патуйэ: «Тургеневская библиотека – драгоценная часть нашего общего франко-русского культурного достояния».

Не менее искреннюю и действенную поддержку оказали библиотеке и ее друзья из числа членов муниципалитета, вынесшие на себе всю тяжесть

по предварительной подготовке вопроса и сумевшие провести его на заседании совета.

Пишущему эти строки пришлось, в качестве председателя правления Тургеневской библиотеки, принять самое непосредственное участие во всех хлопотах, ее касавшихся, и он считает своим непременным долгом к сказанному прибавить еще следующее: без активнейшей поддержки, оказанной быв[шим] советником российского посольства, Н. И. Базили, ходатайство Тургеневской библиотеки, в свою очередь, вряд ли могло увенчаться успехом.

Вольтер в свое время писал Екатерине II, спасшей библиотеку Дидро: «Вся литературная Европа рукоплещет отличному знаку уважения и милости, какое Ваше величество оказали Дидро». Любители книжной мудрости должны теперь «рукоплескать» тем, кто пришел на помощь Тургеневской библиотеке. И значение этих знаков благодарности делается только значительнее от того, что те, кто «рукоплещут», видят в поддержке, оказанной Тургеневской библиотеке, не акт «милости», а вполне естественную дань «уважения» к помещающимся на ее полках духовным ценностям.

Подписи к иллюстрациям

- 1) Историческая табличка Тургеневской библиотеки (Музей И. С. Тургенева в г. Орле).
- 2) Дворец Кольбер, откуда в сентябре 1940 г. фашистами была вывезена Тургеневская библиотека.